

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Татьянин день

Комм. привда. - 1991. - 8 февр.

Художественный руководитель и директор МХАТа на Тверском Татьяна Доронина встретила нас в просторном добротном кабинете. За ее столом стоял шкаф, в нем книги и репродукции с картин Коровина, Ильи Глазунова. Лицо ее было слегка омрачено, и она попросила нас подождать, когда явится девушка с диктофоном, чтобы продублировать для себя нашу беседу. С некоторых пор Доронина журналистам перестала доверять. Потом она вышла в боковую комнату и принесла коробку конфет «Золотая нива». Этот жест нас несколько ободрил. Вернувшись к столу, села в кресло, и с ее свитера взглянул аппликацией двуглавый царский орел.

— У вас тип лица, как на картинах художника Константина Васильева: похож на скандинавский?

— Ярославский, — поправила она нас с придыханием в голосе. Татьяна Доронина ожила: — Оттуда я родом. Отца дважды крестили, и он оказался наполовину христианином, наполовину язычником. Второй раз его окрестили в лесном роднике.

— А вы крещеная?

— Я, конечно...

— И в церковь ходите?

— Забегаю. Крестили меня в том храме, который сейчас разрушен. Это храм Вознесения в Петербурге. Замечательный и необычный. Темные купола, а золотом обозначены только контуры. Разрушили его стремительно: в одну ночь. Говорят, это было сделано по приказу Романова.

— Как вы относитесь к идее переименования Ленинграда в Петербург?

— Хорошо. И когда говорят про идею Собчака о возрождении Ленинграда, я это соотношу не только с возвращением старого имени, основателя города, но и с восстановлением по возможности архитектурного ансамбля и храмов. Но храмы должны соответствовать своему назначению. Когда входил в Исаакиевский собор смотреть на маятник Фуко — ощущение одно, когда приходишь туда на службу — ощущение музея сменяется ощущением храма.

Надеюсь: вместе с возрождением названия Санкт-Петербург придет и бережное к нему отношение.

— Как вы думаете, почему Ленинград не так разрушен, как Москва?

— А как вы сами думаете?

— В Москве больше было церквей. А идеология взрывала храмы: уничтожала веру.

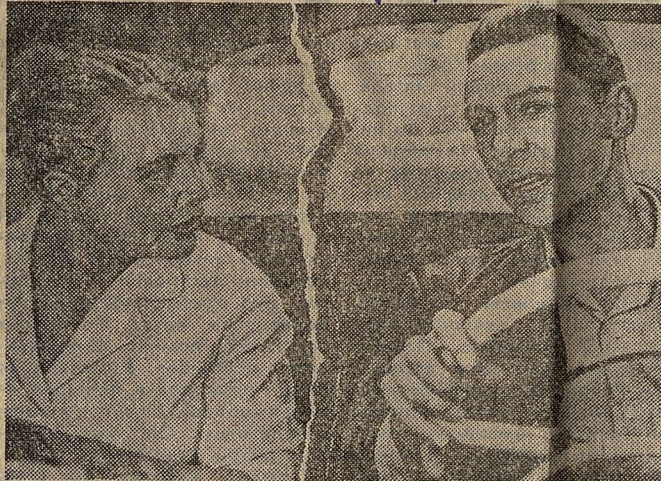
— Вера — это упование. Не случайно, что люди сегодня агрессивны, взвинчены. Вера воспитывала терпимость, способ общения. Все это потеряно. Я знаю, как в театре играет верующий человек и как играет неверующий человек. Если есть вера в душе, тогда ты имеешь право выходить и утешать. Облегчать жизнь. Если этого нет, лучше не выходи и не говори, потому что будешь неубедителен.

У нас в репертуаре есть инсценировка Валентина Распутина. Распутин без веры играть нельзя. Сколько лет назад им была написана «Прощание с Матерой», и какое это было предостережение всем нам! И как легкомысленно все прошли мимо этой темы. А он с истинной болью говорил о том, что уничтожается земля, люди. Тут бы нам спохватиться. Через несколько лет он написал «Пожар». Это время было чрезвычайно страшное. На это предостережение тоже не обратили внимания.

И вот находимся в состоянии прощания и пожара.

— И мы?

— Вы хотите себя предста-

Татьяна Доронина и Олег Ефремов в фильме «Три тополя на Плющихе». «Я понимаю его, знаю, что он любит и что ненавидит. Это совпадает с тем, что я люблю и ненавижу...». Из интервью с Т. Дорониной, 1984 год...

вить пинниками? Так легче жить? Но пройдет немного времени, и вы поймете, что это было не более чем маска.

— Но маска может и прирасти?

— Нет — это тоже образ. Жизнь заставит оторвать.

— Но молодые хотят избежать страданий, поэтому появилось и определение «пластиковой молодежи».

— Я не верю в это. Мне кажется, что это лишь желание превратить молодежь в пластик.

— Какие же у вас в театре молодые?

— Разные. С самого начала мы старались объяснить, ради чего пытаемся сохранить идею Художественного театра. Слово «традиция» не является словом порочным. Традиция — то, что держит и на чем держится.

— Как вы относитесь к высказыванию Товстоногова, что традиция — хорошо сохранившийся труп?

— Он мог это сказать в полемическом задоре. Но вы соразмеряйте фразу Товстоногова с его спектаклями. В БДТ, когда я там работала, в актерском фойе висели портреты основоположников БДТ — Блока, Андреевой, Монахова. Если бы Товстоногов хорошо сохранившийся труп, он вряд ли повесил портреты этих людей. Он был сверхталантливым человеком и понимал, что самое трудное — это реалистическое воплощение.

— Но реализм — это несколько старомодно. Мы видели, как режиссер Роман Виктюк говорил актерам на репетиции: что вы мне играете под Станиславского?

— Это не более чем игра в игру. Шалость. Он сам идеально работает в реалистических ходах.

— В смысле?

— Жизни духа.

— Приверженность к традиции — это все-таки скорее функция охранительная. Вы не боитесь, что зрителю прискучит Чехов?

— Никогда. Ведь каждый год можно ставить нового Гамлета. Самое интересное в драматическом театре — способность выйти на новую интерпретацию, без переставления запытых в пьесе и выбрасывания целых сцен, как это у нас теперь принято. Понятно, Чехов и Горький пожаловаться не могут. А потом, сколько неоткрытых русских имен. Только ведь начали открывать Булгакова, Платонова.

— Лескова?

— Лескова я открываю небольшими дозами. Его ставить необходимо, но нужен и режиссер, который бы его очень полюбил.

— Для игры на сцене должна быть какая-то жизненная предпосылка? Или игру можно сфантазировать под жизнь?

— Закон творчества — сублимация. На какую-то предпосылку, аналог должны быть —

обязательно. Сказать, что я ратую, чтобы в моей жизни было больше страданий, что это мне поможет на сцене, я не могу. Это тоже безнравственно: призывать к страданиям.

— Как вы относитесь к сексу на сцене?

— Это не имеет к театру никакого отношения. Театр — это воспитание духа. А секс — это радости тела. Радостями тела надо заниматься в других учреждениях, а театр должен служить тому, чему он предназначен.

— Возглавляемая вами труппа МХАТа существует уже не первый сезон. Значит, ваш театр — это театр единомышленников. Значит, у театра есть идейное знамя?

— Мне не хотелось бы говорить о знаменах и лозунгах.

— О чем бы вы хотели говорить?

— О традициях, о людях.

— Почему о людях?

— Наш театр — как остров. Мы не имеем поддержки. И актерам приходится работать в экстремальной ситуации, в обстановке ненависти, агрессии, неприязни. Но с ненавистью, агрессией и неприязнью нельзя выходить на сцену. Потому что зритель приходит в театр с этой агрессией, неприязнью. Такова жизнь. И хочет получить от театра — обратное. Если хочешь соответствовать театру, изволь утверждать позитивное.

— Почему вы сказали, что являетесь как бы островом в театральном мире?

— Наш театр образовался не потому, что мы отмежевались от Союза театральных деятелей, от критиков. Нас звергли в это состояние, неверно представив через средства массовой информации всю историю раздела МХАТа.

— Что вы имеете в виду, говоря «не хотели разделения театра»?

— Я имею в виду талантливых актеров, которые не хотели разделения не потому, что боялись, что останутся не у дела, а просто видели в этом разединении факт ослабления самой идеи МХАТа.

— Но, может, процесс разделения — закономерный: сейчас везде разделяются на лагеря?

— Это очень длинный разговор. Давать оценки можно задним числом...

— Почему тогда произошло разделение МХАТа?

— Я думаю, что это сделано искусственно. Несуразность разделения очевидна. Для всех. В этой несуразности разделения стали обвинять ту группу, которая на это разделение не шла. Помимо основных артистов, Ефремов взял еще группу одаренной молодежи.

— Почему они ушли с ним?

— Я думаю, вы бы тоже с ним ушли. С ним, потому что вам-то какой интерес оставаться с людьми, которые определены как изгой? А вас приглашает человек, кото-

рый много лет руководил «Современником», МХАТом, первый секретарь Союза театральных деятелей...

— Есть ли у вас сегодня союзники?

— Зрители.

— А в верхних эшелонах власти?

— Нет.

— Что уже удалось сделать?

— За три сезона создать труппу.

Не секрет, что зрительские залы в театрах пустые и полупустые. К нам в театр ходят. И если нам удалось создать и труппу, и репертуар, и получить зрителя, но хотя бы за это оставили в покое, не травили в прессе...

— Как вели себя зрители после очередных критических статей?

— Они устраивали длительные овации. Это всерьез дает нам силы.

— Но силы у вас на пределе?

— Потому что я привыкла приличными ходами пользоваться. Нельзя наступать под лозунгом: дискредитация личности. А пресса именно так и поступает.

— Речь идет о замечках по поводу смерти вашей актрисы Георгиевской? Но то, что случилось с Анастасией Георгиевской, — это чудовищно: она умерла... И так долго оставалась мертвой в квартире, что ее обглодала собака...

— Отношение к старшей актрисе театра Анастасии Павловне Георгиевской, парство ей небесное, было и остается только уважительное. И не на словах. Для нее ставились пьесы. Когда дело касалось наших замечательных зарплат, ей давали максимум... Мы даже убрали ее квартиру, ухаживали за ее питомцами и собаками. Они были частью ее семьи, а ей за ними ухаживать не было сил. Ездил к ней в больницу. Ей предоставил театр дачу. Она была совершенно здорова. Я, уезжая, спросила: «Сколько вы можете сыграть спектаклей в сентябре?» Она ответила: «Сколько нужно, столько и сыграю». Что с ней произошло?

— Что?

— Мои предположения — нехорошие. Я написала просьбу, чтобы провели расследование еще раз: кто ходил по квартире? Кто с ней пил? Ей же нельзя было пить. Кто принес ей водку? Кто закрыл потом форточки? Почему с этим не разобрались?

Почему в прессе стали писать, не узнав мнения в театре, наконец? Почему не написано, что накануне я была у Станкевича, моля квартиру для Георгиевской, так как в прежней были низкие потолки и было душно?

— В чем ваша опора?

— Я опиралась на свое имя. И врагам моим ничего не оставалось, как опорочить мое имя. Я не безгрешна. Я стараюсь замаливать свои грехи. Но я не хочу, чтобы меня обвиняли в том, в чем я не виновата.

— Могут не нравиться ваши позиции?

— Могут не нравиться мои позиции, да. Но у каждого свои позиции, и каждый имеет право на свои позиции.

— Что вас радует?

— Из того, что происходит? Ну что сейчас может радовать?

— Как вы относитесь к людям? Каких все-таки больше?

— Больше хороших. Но есть и обманутые.

— Принимаете ли вы мысль, что всякие страдания окупятся...

— Это ужасно.

— А какие гонения оправданны?

— В том случае, когда изгоняют неверующих из храма.

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.